

Игорь
ГАЛИЛЕЕВ

г. Пенза

МАРИНОЧКА

1

Мариночка... Так её называют дети. Может, потому, что уколов она не делает, а чаще всего просто разговаривает. Улыбаясь, спрашивает о том о сём, рисунки хвалит. Мол, вырастешь — твои картины в Лувре висеть будут... Ага, «будут». Все понимают, что утешает, успокаивает, ведь нас, детей в раковом отделении, врачи среди прочего должны надеждой обеспечивать. Как говорят, «на позитив настраивать». А какой здесь позитив? Не дураки уже большинство, знаем — усатой санитаркой тёткой Ольгой научены. «Вона, — сказала нам, когда полы под кроватями мыла, — слышите, молоточки стучат? Энтэ вам гробики сколачивают...»

Вот и весь «позитив». Да мы и без неё понимаем, какой конец будет. Но Мариночка всё равно рассказывает о нашем будущем, фантазирует. Бывало, сядет на кровать и давай придумывать.

— У тебя, Славик, — (это она — мне), — семья большая будет. Трое... нет, четверо детей и жена-красавица...

— Пусть, — говорю, — она врачом работает, ладно?

— Хорошо, пусть работает врачом. Так вот, а ты известным следователем станешь, — (это Мариночка мою страсть к книжным детективам в реальность трансформирует). — Будешь трубку курить, и все девчонки в тебя влюблены будут.

— Да кому я нужен-то, лысый, — и рукой на свой голый, как коленка, череп показываю.

— Это ерунда, Славик, волосы не главное. Гораздо важнее, что в душе у тебя...

И верно, думаю, душа важнее...

Мне одиннадцать лет. В больнице год уже живу. Волосы не сразу выпали. Хотя, если честно, каким я с прической был, не помню совсем. Мама всё реже приходит стала. Может, и хорошо, что так. А то придёт, сядет на табурет рядом и плачет. Аж самому тошно становится. И перегаром от неё пахнет. Тётка Ольга говорит, что сдалась, мол, мать, заживо отнесла меня на кладбище, вот и пьёт. Поминает.

А отец уже месяца три не навещал. Мамка

РАДУГА
ЖИЗНИ

рассказы

сказала, что в командировку уехал, не вернётся никак...

В палате нас четверо. Я самый старший и старожил самый. Двое совсем мальцов — пяти и шести лет — под капельницами постоянно. А недавно новенького на Мишкино место перевели, Олежкой зовут — лежит, хнычет всю дорогу. Больно, говорит. Я ему иногда свои витаминки сладкие даю — успокаивается. Но дружить он всё равно не хочет — мол, незачем. Хотя, смотрю, Мариночку с первых посещений полюбил. Да к ней и нельзя по-другому относиться. Самой ей бог детей не дал, и всю свою неистраченную любовь материнскую она нам отдаёт. И лечит.

Мариночка — врач. Говорят, что здесь она несколько лет работает, из института сразу пришла. И ведь не зачерствела пока! Хотя сколько нас, славиков и мишек, уже проводить успела...

Так день за днём и проходит — в ожидании...

Сегодня Мариночкина смена. Жду, к шагам в коридоре прислушиваюсь. Вчера мне вставать наконец-то разрешили. Но далеко ходить всё равно нельзя. Поэтому я у окна пристроился. Ах, как хорошо там! Самый красивый ноябрь в моей жизни! Деревья в больничном дворе утренний мороз снежными гирляндами украсил, из засывших веток фигуры сплёл — можно хоть целый день разгадывать, что там. А солнце оставшиеся листочки, словно струны, пальцами лучей перебирает — мелодию к зиме подбирает. Если ухо к стеклу плотнее прижать, то музыку услышать можно. Про жизнь она и про любовь...

Тут дверь распахнулась, и я уже хотел радостно Мариночку поприветствовать, но это оказалась тётка Ольга. Ведром посередине палаты бряцнула и мокрую тряпку на пол шлёпнула. Молча всё, без слов, даже на нас не глядя. И швабру длинную с плеча сняла. Ну вот вылитая та самая старуха, только вместо косы — швабра.

Но я поздоровался.

— Здрасьте, тёт Оль, — говорю. — А почему к нам Мариночка не идёт? Или смена не её?

— Её... её, — отвечает, — дурочки этой.

А сама тряпкой под Олежиной кроватью жмыхает.

— Не придёт сегодня, не ждите, — продолжает. — Сама заболела с вами, полутырками.

И тут швабру на пол бросила и руками всплеснула:

— Ну это же додуматься надо! Свои деньги на вас тратила! Вот дура-то!..

Только на третий день от другого врача мы узнали, что Мариночка на свою зарплату нам чего-то покупала: альбомы для рисования, книжки, фломастеры. И в прошлую зиму даже одеяла нам тёплые, стеганые сама сшила. А пальто себе зимнее купить не успела... Свалилась с воспалением легких, в другом корпусе теперь сама лежит. Тоже, наверное, в окно смотрит...

— ...Ага, щас! Смотрит!.. — то ли ругается, то ли радуется тётка Ольга. — При смерти она. Температура — сорок. Лежит там бледная, зубами стучит под одеяльцем больничным. Себя бесполезно на вас променяла. Э-эх...

Вон оно что...

План в моей голове за секунды возник. Палата наша на втором этаже располагалась. В общем-то высоко, но не страшно.

Конечно же, дождались ночи. Участвовать вчетвером решили, иначе не получится ничего. Как только новенький дежурный врач обход завершил — пора.

Простыни связать — это полдела. Смочь вот, сидя-то на подоконнике, на морозе — это самое важное. Двух мальцов с собой решили не брать — в палате будут наше с Олежкой возвращение стеречь, чтобы обратно простыни скинуть. В общем, собрали мы в один тюк все одеяльца наши — у нас в палате и без них как в духовке — и первым его сбросили. Простыни я к ножке своей кровати привязал и за окно вылез.

Да что б тебя!.. Ветрище коготками сразу под пижаму забрался, в тело вцепился. Пожалел я, что только в тапочках больничных и в носочках лёгких, пальцы на ногах вмиг одеревенели. Но отступить нельзя, там Мариночка из-за нас мучается.

От подоконника отцепился и кое-как, хильми ручонками перебирая, как мотыль на леске, почти сорвался — спустился донизу. Пластмассовыми подошвами об асфальт хлопнул, думал, всю больницу разбуду. Обошлось вроде...

Олежке показываю — давай, мол, спускайся. Смотрю: эх, дурной, носки под тапки не надел даже. А штаны пижамные у него коротенькие,

до середины голени. Вот замерзнет-то! Шепчу громко:

— А ну обратно лезь! Один справлюсь...

Может, так безопаснее будет, надежнее получится. Одеяла обратно в палату закинул, простыни за собой втянул, чтобы не заметил никто, окно закрыл сразу. Рукой через стекло показывает, мол, иди, я на «посту» буду.

Ну и хорошо. Тюк с одеялами я за спину взвалил, крикнул по-взрослому и пошёл к соседнему корпусу, от фонарей прячась.

Голова лысая жуть как замерзла, до самых мозжечков мороз добрался. Иду, шатаюсь, Мариночкой себя подбадриваю, мол, умрёт она без нашей-то помощи, позаботиться о ней, кроме нас, некому. В темноте бордюра не увидел, обоими коленями прямо о бетон ударился, брызги из глаз. Но губу нижнюю прикусил, чтобы не закричать, не завывать от боли. Посидел немного, пока холод в позвоночник через пятую точку не проник, — дальше идти надо. Одна тапка куда-то в темноту улетела. Руками пошарил — нет нигде. Ладно, думаю, ничего, и так дойду. А в одной-то шаркать неудобно — и вторую тапочку бросил. Тюк снова за плечо, как картошку носят, забросил и дальше в путь отправился. Думаю, увидел бы меня сейчас кто, от смеха бы прямо на месте умер: идёт доходяга, метр тридцать ростом, мешок больше себя несёт, лысина инеем покрыта, и в одних носочках с дыркой на пятке. Умора...

А вдобавок слёзы на щеках кристалликами от холода застыли. Плакал от боли, конечно...

Палата Мариночкина на первом этаже была — мы все заранее вызнали — иначе не решились бы на эту ночную «операцию». Окно её ночью подсвечивалось: что внутри — разглядеть можно. Я тюк с одеялами прямо под подоконник поставил и замороженными ступнями на него залез, чтобы повыше было.

Вот она, Мариночка наша, лежит бледная, лицо как воск. Видно её хорошо. Крупная испарина на лбу блестит, и тяжело так, прерывисто, с надрывом дышит. Моё сердце в комочек сжалось и к горлу поднялось. Жалко-то её как! Я... мы-то ведь... Ладно, ясно с нами всё, нас много таких. А она — одна на всех. Всех нас любит, надежду даёт. Да и саму жизнь, может, даёт по второму кругу. Смотрю на неё через

окно и слёзы кулаком по щекам размазываю, жалею самого близкого человека своего.

Но дело доделать надо. Постучался тихонько — нет реакции. Думаю, а что, если она без сознания вдруг? В детективе читал — вспомнилось, что нельзя в таких случаях человеку спать давать — может не проснуться. Вспомнил я и испугался! И со всей силы в окно заледевшими кулаками забарабанил с криком:

— Марина! Мариночка! Ты только не спи! Слышишь?! Не спи только!!!

А через рыдания слова уже в рёв превратились. Но стучу по стеклу, только бы проснулась.

И тут смотрю, глаза её затрепетали, приоткрылись. Посмотрела на меня, и снова веки без сил опустили, только слеза по щеке скользнула — значит, увидела меня, значит, поняла. Жива, значит.

А в больничных коридорах уже свет загорелся, голоса громкие кругом. Дверь в Мариночкину палату распаивается, и врач с медсестрой забегают. Только это и помню...

Говорят, что я сам от переохлаждения без сознания упал. Хорошо, мешок с одеялами был — на него прямо. Ноги сильно промёрзли, долго ещё ничего не чувствовали, как деревянные, потом больно ужасно стало. Так что потом, когда в палату свою вернулся, меня уже Одеяла витаминками подкармливал.

Я стал местной больничной легендой, со всех отделений на меня посмотреть приходили. И кто чего только не рассказывал! Мол, меня к Мариночке в палату через её окно затащили вместе с одеялами теми. Говорят, что она меня к себе в кровать положила отогревать. И что всю ночь сама на меня теплом своим дышала. В общем, вышло так, что спасла спасителя своего неудавшегося.

Сама она поправилась, конечно. Не знаю — одеяла ли наши помогли или лечение. Но уже через месяц снова к нам пришла с улыбкой и слезами. Рыцари, говорит, вы мои сказочные...

2

Идля меня сказка в жизни случилась. Выздоровел я. Не сразу, конечно, пришлось в столице в каком-то Центре побывать — там ещё с полгода полечился. Как оказалось, помогло.

И только недавно, уже будучи взрослым, узнал я, что моё лечение в Москве больших денег стоило. Стал выяснять, кто оплатил — следователем работаю всё-таки. Думал, может, моя мать перед своей смертью или отец потерявшийся...

Оказалось, что Мариночка...

3

Ноги сами привели меня к той больнице. Окно своё узнал сразу. Рука потянулась к голове, так и оставшейся без волос. И сердце защемило что-то. Воспоминания хлынули. Опустился на осеннюю лавочку в больничном дворе — как и не уходил отсюда: всё те же деревья голые, тот же запах щей из пищеблока и тишина... Будто время здесь специально в кисель превратилось, чтобы жизнь на подольше растянуть.

Из дверей корпуса появилась фигура в белом халате — лица не рассмотрю никак, слёзы мешают, а смахнуть вроде стыдно — взрослый же. Только вблизи по улыбке понял: Мариночка... С сединой уже, в очках на добрых и понимающих глазах. Остановилась, посмотрела внимательно.

— Ну, Славик, а ты говорил, что некрасивый вырастешь... А сам вон какой! — и улыбается сквозь слёзы.

А мне сказать бы хоть что-то, но не могу никак. Ладонь её взял и лицом прижался к ней, склонившись. А она меня другой рукой по голове гладит, успокаивает:

— Не надо, Славик, не говори ничего. Хорошо же всё...

Да чего стесняться-то слёз своих! Обнял её.

— Спасибо, — говорю, — и не только от меня... — и за больничный забор показываю.

А там жена моя любимая платком слёзы вытирает и двое сынишек — не поймут, чего это папка сопли на кулак наматывает.

— Всё, как обещали, — улыбаюсь, — так и случилось. Детей только двое пока, но это ведь дело наживное...

С тех пор Марина Владимировна стала членом нашей семьи. Хотя, наверное, её семьёй я всегда и был...

ОТРАЖЕНИЕ

Эта история случилась со мной, когда мне было одиннадцать лет — я только-только перешёл в пятый класс. Время было ещё советское, в магазинах на самом деле мало чего можно было купить. В основном вкусности и хорошие вещи доставали по благу, через знакомых. Нет, были иногда деликатесы и в магазинах. Например, я хорошо помню креветочное масло в рыбном отделе гастронома — сейчас днём с огнём такой вкуснятины не найдёшь. Или бананы. Тогда они хоть и зелёные, как огурцы, продавались, но ведь купить их можно было почти без очереди.

Замечу, что мальчиком я был достаточно предприимчивым. Тогда про таких говорили — «умеет вертеться». Даже пионерское школьное задание — начать переписываться со школьником из социалистической страны — я использовал с выгодой для себя.

Наша учительница по русскому Юлиана Христофоровна — как специально в школу работать идут с такими именами-отчествами! — из райкома привезла адрес своей коллеги, тоже преподавательницы русского, проживавшей в тогдашней Чехословакии, в Праге. Кстати, очень интересная в принципе идея — детям разных стран переписываться. Сейчас-то при интернете с этим проблем нет, а тогда... «Письмецо в конверте...»

Очень хорошо помню «раздачу» импортных детей в классе во время урока.

— Так, — Юлиана Христофоровна осмотрела нас поверх очков в толстой пластмассовой оправе, — кто из вас хочет Августина?

Почти все наши девчонки руку подняли — имя-то красивое вроде.

— Нет, девочки, — категорично замотала головой Юлиана Христофоровна. — Должно быть так: девочка — с девочкой, а мальчик — с мальчиком... А то потом международных скандалов не оберешься... — задумчиво добавила тогда еще не понятную мне фразу наша учительница. — Мальчики, поднимаем руки. Смелее! — учительница даже в ладоши хлопала. Естественно, что энтузиастов не оказалось. — Лад-но, — зачем-то отдельно сказала

Юлиана Христофоровна, — будем делать как всегда... Значит, так, закрепляться будем по-бук-вен-но.

— Это ещё как? — спросил с места Авдеев.

— Вставать надо, Серёжа, когда спрашиваешь, а не в носу ковырять. Вот, кстати, Августина как раз на тебя запишем — вы же у нас оба на «а».

— Я — на «с»! — возмутился Авдеев.

— Не спорь с учителем — ему виднее, — ответила Юлиана Христофоровна, что-то записывая в тетрадь.

И так далее...

Когда до меня очередь дошла, совпадений по буквам не осталось. Поэтому в ход пошёл другой принцип — по интересам.

— Игорек, ты же вроде в шахматы играешь? — спросила у меня Юлиана Христофоровна.

— В футбол я играю лучше, — говорю.

— Я знаю — во что лучше. Поэтому тебе достаётся Томаш...

— Почему — «поэтому»? — очень справедливо интересуюсь я. Так-то по большому счёту мне было совершенно по барабану, кто именно станет моим оппонентом за границей, но ведь как не поспорить?

— Любопытной Варваре на базаре нос ликовидировали. Садись и записывай себе в тетрадку: Томаш Петивоки, Прага...

Конечно, адрес не домашний был, а той школы, где чехословацкие дети учились. И мы тоже должны были свои письма отправлять со школьного почтового индекса. Не знаю почему — наверное, так кому-то спокойнее и надёжнее казалось.

В итоге, когда раздача завершилась, поступила новая вводная — сразу же написать письмо своему новому другу. У меня с детства слова более-менее удачно в предложения складывались, поэтому и с письмом сложностей не возникло. Тем более что было их в нём всего три: «Привет! Меня зовут Игорь. Я коллекционирую марки и жвачки (упакованные, новые!). Давай дружить. Пришли мне, как своему новому другу, из Чехословакии жвачек как можно больше. Для коллекции». И всё...

Надежды на ответ никакой, разумеется, не было. Как и на то, что моё письмо вообще уйдёт по назначению.

Но вот как-то зимой, месяца через три после того, как мы написали письма сверстникам в дружественную страну, — в тот вечер мы с Авдеевым зарабатывали себе на «Танцора диско», подстраиваясь за десять копеек в очередь ко всем желающим купить в магазине лишних сто граммов сливочного масла на одного ребёнка, — нам случайно попалась всезнайка Дроздова из нашего класса.

— Ой, мальчишки, вы и не знаете ничего, торчите здесь как дураки...

— Крути педали, Дроздова, пока не дали... — Авдеев много таких присказок знал.

— Грубиян ты, Сережа, — вздохнула Дроздова. — Нам завтра ответы чехословацких школьников раздадут — сама конверты в учительской видела...

Вот это новость! Достояв очередную прикормочную необходимость, мы, фантазируя, побежали по домам. Я лично представлял себе, что открою конверт, а там несколько пачек настоящего, чешского бубль-гума...

В те годы в нашей стране жвачка-то почти отсутствовала. Ириски вместо неё были. «Золотой ключик» — прощай, пломба... И гудрон в самых редких случаях...

Поэтому, если достать удавалось, жвачку бергли и хранили. Пожевать давали только самым лучшим друзьям. Затем клали её, жеваную, в сахарницу на ночь и жевали снова. Одна жвачка растягивалась примерно на две недели. Попробовать её к тому времени успевало человек десять...

И сон мне в следующую ночь снился соответствующий: будто я получил не конверт, а целую посылку, которую из-за тяжести еле нес с почты... Наутро даже скулы болели — наверное, нажевался за ночь...

В школу прибежал рано — чуть ли не самый первый. Конечно, была попытка в учительскую проникнуть — хотя бы одним глазком посмотреть на конверты. Но не пустили — так рано в школу не только любопытные ученики приходят.

Наконец начался долгожданный русский. Но Юлиана Христофоровна почему-то опаздывала к началу урока. Как специально...

Разочарование возникло сразу же, как только она в класс вошла: ни тебе большой корб-

ки, ни пухлого конверта под мышкой, ни даже пакетика в руках. Но письма были.

— Не шу-мим, — произнесла, не поздоровавшись, учительница. — Наслаждаемся радостью ожидания заочной встречи с заграничным другом.

Ничего себе — такое ещё наслаждение-то! — усидеть почти невозможно. Юлиана Христофоровна тоненькую стопку конвертов, обклеенных марками, положила на край своего стола и начала издалека:

— Думаю, многие из нас уже люди взрослые и понимают, что не всегда происходит именно то, что мы ожидаем. Вот я, например, вчера пошла в овощной за картошкой. Но её не было. Думаете, я расстроилась? Нет! Хотя, да, пришлось идти в другой магазин. А ведь щи без картошечки... О чем это я? А, ну да, ответы пришли не всем, кто писал. Но расстраиваться и тем более «идти в другой магазин» — не надо. Всему, в общем, своё время...

Понимая, что сейчас совсем запутается, Юлиана Христофоровна передала конверты Дроздовой и попросила раздать их адресатам.

Само собой, что речь Юлианы Христофоровны я принял на свой счёт. Ну, думаю, содержание моего письма ей известно и, соответственно, знает — какой такой радости встречи и с чем именно я жду. Не дождусь, стало быть. Но, на удивление, Дроздова подошла к моей парте и положила на неё яркий конверт, на котором зелёными чернилами было выведено крупными буквами: «Моему советскому другу Игорю».

Сердечко моё заколотилось, радость возникла — ответил! Значит, и правда, друг у меня новый появился. И не где-нибудь там, а в самой Чехословакии!

Бережно я взял конверт за края, взвесил на ладони — надежда на жвачку ещё оставалась. Но, судя по всему, бубль-гума там не было...

— Ну чего телишься-то? — пропыхтел над плечом Авдеев, которому Августин не ответил.

— Тс-с-с, — зашипел я на него, как гусь.

Аккуратно отделил треугольник заднего клапана конверта и заглянул внутрь. Сразу скажу — опасения подтвердились. Вместо жвачки было коротенькое письмецо и фотография какая-то.

Первым делом я письмо открыл. Текст был немного неграмотный — видно, что иностран-

ец писал, — поэтому привожу его в удобном для вашего чтения варианте: «Здравствуй, мой дорогой новый друг Игорь! Я всегда мечтал иметь советского товарища. Надеюсь, что ты тоже. (*Зря надеешься!*) К сожалению, жвачки пока не пришлю, но, если приедешь в гости, обязательно подарю. (*Жмот!*) Вот несколько фантиков от них. (*Действительно, на дне конверта я нашел несколько ярких оберток.*) Я ученик пятого класса, учусь хорошо. И уже очень хорошо играю в шахматы. (*Вот оно что!*) В общем, теперь мы с тобой друзья!

До свидания, Томаш».

Молодец, побольше моего написал. Старался, наверное.

После этого я посмотрел на фотографию, которая была в конверте, и чуть не упал со стула. На фотографии был я!!! Такая же стрижка, те же глаза и улыбка. Даже куртка точь-в-точь такая, как мне мама привезла с ВДНХ. Этого просто не может быть! Потому что так не бывает!..

В первые секунды шока я подумал, что это какой-то розыгрыш. Но, увидев глаза Авдеева, понял, что все взаправду, по-настоящему. На всякий случай встал из-за парты и, молча подойдя к Юлиане Христофоровне, положил фотографию Томаша перед ней на стол. Отреагировала она неожиданно: вдруг закатилась безудержным смехом. Но я читал, что иногда, когда люди сталкиваются с чем-то необъяснимым, так бывает — смеются или плачут. Хорошо, что у Юлианы Христофоровны не в слёзы пошло.

За следующие несколько дней сравнительный анализ Томаша на фото с моим внешним видом не сделал только ленивый. Причём в методах мало кто стеснялся. Прознавшие обо всем старшеклассники попросили прийти в школу в той самой куртке, отчего моё сходство с чехословацким мальчиком только увеличилось.

Скажу больше: как я узнал гораздо позже, Юлиана Христофоровна разговаривала с моей мамой на предмет наличия у меня тайных близнецов от рождения. Разумеется, что никаких секретов такого рода в моей семье не было.

В общем, все это так и осталось бы просто невероятной историей, если бы спустя много лет я не встретил Томаша по-настоящему...

Это случилось пять лет назад во время моей поездки в Прагу на чемпионат по шахматам среди любителей.

Во время представления участников чешской команды фамилия Петивоки показалась знакомой. Конечно, та школьная история, которая закончилась примерно там, где я её прервал в своих описаниях, из памяти не стерлась. Поэтому почти без раздумий я направился к столику, за которым разместились чехи.

Томаша я узнал сразу. Это по-прежнему было моё зеркальное отражение. Но ладно я! Я-то, можно сказать, к сюрпризу подготовлен был, но он, Томаш, конечно, мягко говоря, удивился.

Когда я подошёл к стулу, на котором он сидел, кто-то из членов его команды, похлопав Томаша по плечу, показал ему на меня пальцем. Томаш развернулся, посмотрел на меня, потом отвернулся на несколько секунд — глазам, наверное, не поверил — и повернулся снова. После этого смотрел на меня уже пристально несколько минут, растянувшихся, по ощущениям, очень надолго. После чего встал, подошёл ко мне и, как ни странно, потрогал за нос.

В общем-то, именно это и разрядило обстановку — я засмеялся. Хотя, скорее всего, смех всё-таки был на нервной почве.

С Томашем, своим отражением, я продолжаю общаться и по сегодняшний день. В причинах феномена схожести мы не смогли разобраться и совместными усилиями. Между собой согласились считать, что это просто чудо...

Но потом, вернувшись из Праги и рассказав о неожиданной встрече маме, она припомнила, что её отец — мой дед — во время войны до Берлина через Чехословакию шёл...

А совсем недавно мы с Томашем тест ДНК сдали — теперь результатов ждём. Как только будут готовы — обязательно расскажу.

РАДУГА

— Знаешь, я очень хочу на море... Я ведь последний раз там была в тот год, когда тебе десять лет исполнилось...

— Это сколько же получается?.. — Игорек подсчитывал цифры в уме. — Тридцать лет назад? Да, мам, я, наверное, ту поездку помню... Только вот как желание это всё-таки не годится, загадывай чего-нибудь другое.

— Это почему же не годится? — удивилась мама.

— Ну, во-первых, твой день рождения в январе и на море будет холодно — ветер, вода леденящая — не искупаться. Во-вторых, мой отпуск только в конце мая — без меня же ты поехать не сможешь — да я и не пушу, ведь мало ли чего. А в-третьих... В-третьих, ну почему именно на море-то? Что, разве нельзя новый телевизор пожелать? Или, например, пальто зимнее. Тем более что я его уже присмотрел...

Мама вздохнула:

— На море я хочу, сынок... Ведь там все и началось...

— Что началось?

— Вот там и расскажу...

— Ну, мам, нечестно это — шантажировать...

Игорек с улыбкой обнял мать, в седые волосы поцеловал. Ну что поделаешь? С работой можно решить как-нибудь, тем более что к новогодним праздникам дополнительно всего неделю лишних выходных выпросить надо будет. Билеты — вообще ерунда — сейчас не сезон, и вагоны, наверное, пустыми ходят, да и проживание там в это время года дешевле, чем летом...

— Мам, если все же получится, то куда именно на море? Помнится, что ты Хосту очень любила...

— Вот-вот, в Хосту и хочу.

— Хорошо, попробую все узнать. Но имей в виду, что не обещаю!

Игорь ещё раз поцеловал ее уже в коридоре, застегивая куртку-аляску, и попросил на прощанье:

— Если что, не расстраивайся, — летом тогда точно поедem. А с меня на день рождения пальто в подарок будет. Лады?

— Лады, — мать перекрестила сына. — По сторонам смотри, когда дорогу переходишь...

— Ну, мам, я же не школьник уже...

И по ступенькам вниз побежал. На улице у подъезда остановился, посмотрел на окна — мама с балкона рукой машет. В ответ тоже помахал — мол, иди, холодно, простудишься, и быстрым шагом направился... в сторону вокзала.

По дороге Игорь жене позвонил.

— Юлька, радость вот какая: на море мы едем сразу после Нового года!

— Правда? Чего вдруг?

— Маме — 75. Юбилей! Вот это и есть её желание — море увидеть хочет. Втроём поедем...

— А пальто как же?

— А пальто на Новый год подарим. Ну что, согласна?

— Куда денешься, не отпускать же вас вдвоём — с голода умрете...

— Люблю я тебя, Юлька!..

На вокзале народ круглый год никуда не девается — и в кассы очереди. Эхо все так же суетится — от стен, спин отскакивает, в подземные переходы ныряет, словно выход на улицу ищет. Одно изменение по сравнению с летом — голос в динамиках ещё чуднее: его и летом-то не поймёшь, уши напрягать надо, чтобы слова разобрать, а уж зимой, когда у диктора насморк...

— Девушка, мне бы на пятое января до Хосты три билета, — обратился Игорек к кассирше.

— Пенза — Адлер. Выезд вечером. Два нижних места, одно — верхнее. Пойдёт?

— Ага... — Игорек удивился даже, что так быстро все происходит.

— С вас... — и сумму назвала.

Игорек протянул в окошечко листок со всеми данными. Потом рассчитался, билеты взял, проверил внимательно, чтобы ошибки не было, и вот тут настоящее ощущение радости появилось — мамино желание исполнил. Почти. Ещё с гостиницей и с дополнительными выходными решить надо.

На работе, как ни странно, все сотрудники были на своих местах.

— Ты чего это радостный такой? — первой

настроение Игорька заметила ответсек Валя. — Новый год ещё через неделю вроде бы...

— Есть повод! — объявил Игорек.

— День взятия Бастилии вхолостую прошёл... — пошутила Валя.

Рядом коллега Виктор оказался, он подергал носом, приняхавшись:

— Если что, я в «курочке»...

— Нет, дружище, не до этого пока. Мы в новогодние праздники на море едем! С мамой!

— А-а, я-то думал... Тогда поздравляю!

— С чем это? — в кабинет зам Иваныч заглянул. — И, самое главное, кого?

— Это меня, — признался Игорек, билеты на поезд показывая. — Мы всей семьёй на море в новогодние каникулы едем!

— Море в январе холодное, ни солнца, ни туристов нет. Акулы есть хотят, голодные, ждут Игоря на ужин, завтрак и обед! — с ходу выдал экспромт Иваныч.

— Там вроде бы нет акул...

— Если нет, то и бояться нечего. В общем, молодец, езжай!

— Иваныч, мне бы недельку отпуска плюсом к каникулам...

— Хм, хорошо. Но в мае тогда отпуск отменяется... — и пошёл к себе в кабинет, напевая: «Летящей походкой он вышел из мая...»

С рабочего же компьютера Игорек гостиницу нашёл — относительно недорого, до моря минут десять, хотя зимой не оно там главное. И хозяева вроде бы дружелюбные — на вокзале встретить пообещали бесплатно.

В общем, все срослось как нельзя лучше. Даже удивительно, ведь не всегда так бывает...

Вечером Игорь пересказал разговор с мамой Юльке, мол, может, здесь секрет какой-то скрывается, — тайна, которая на море откроется.

— Не бери в голову. Знал бы ты, сколько женских тайн море хранит...

— В каком это смысле? — шутивно возмутился Игорек, оторвав голову от подушки.

— Ну, ты же знаешь, что браки заключаются на небесах?

— В загсе они заключаются... При чем здесь это-то?

— Море — это отражение неба на земле. От-

сюда и последствия в виде влюбленностей всяких, которые курортными романами зовутся...

— Ха, насмешила. Юлька, простая твоя душа! — по статистике, из всех курортных романов только полтора процента браками становятся, чтоб ты знала!

— А мы? — Юлька даже присела в кровати.

— Что — мы?

— Мы с тобой где познакомились?

— А-а-а, это... Это не считается, мы — исключение, как раз те самые полтора процента.

— То-то и оно, ведь мы на море встретились. И предложение ты именно там мне сделал. И женились потом. Так что спи и молчи в тряпочку, знаток женских сердец...

Да, права Юлька. Наверное, за всей этой идеей какая-нибудь мамина сердечная тайна кроется. Люди всегда возвращаются на место, где счастливы были, как преступники — на место преступления. Может быть, про отца тайна? Он умер, когда Игорек в армии служил, давно уже. Да и не жил он с ними — развелись по обоюдному согласию почти сразу после рождения Игорька. Нет, вряд ли секрет с ним связан. «А может, и развелись-то из-за того, что я не отцов сын? — подумал Игорек. — Или, может, я вообще у них приемный? Или морской волной на берег вынесенный после кораблекрушения... Сын царя Тритона... или Нептуна...»

Игорек зевнул, поближе к Юльке под одеялом прижался, обнял, сквозь сон улыбнулся, и вот уже волны сна окутали, согрели, убаюкали и понесли в неведомые глубины небесного отражения, наполнив душу ощущением счастья.

Новый год прошёл как-то быстро. Вдвоём отпраздновали. Хотели было к маме поехать, но она категорически отказалась — одной, говорит, привычнее. Нет, в новогоднюю ночь, конечно, созвонились, поздравились. Первого числа подарок отвезли — пальто зимнее. Посидели немного и — восвояси, отсыпаться. Все разговоры, в общем-то, о предстоящей поездке были: какая сейчас там погода, много ли туристов зимой на море отдыхает, есть ли ёлки или местные граждане вместо них пальмы украшают, и так далее...

Ожидание события — это, наверное, и есть са-

мое ценное в путешествии. Подготовка и планирование всегда радость дают и даже счастливыми делают — все это очень на мечту похоже, которая вот-вот сбудется. А то ведь у взрослых как: мечты-то нет уже, только планы остались...

Вот и день отъезда наступил. Чемоданы ещё с вечера сложили — утром пришлось за зубными щетками лезть, чтобы зубы почистить. Юлька цветы полила, из розеток удлинители повынимала и в очередной раз соседке, которой ключи от квартиры оставила, инструктаж провела: что, когда, где и сколько раз надо делать во время их отсутствия.

К маме в обед приехали. А у неё всего лишь маленький чемодан собран.

— Ты чего, — возмутился Игорек, — так мало вещей с собой берёшь? Вдруг морозы или, наоборот, жара будет? Опять же в ресторан или ещё куда наряды нужны...

— Если холодно, то я пальто новое надену. Если тепло, то без него гулять буду. Ну, а нарядами Юлька поделится, если понадобится. Мне же чего — лекарства главное не забыть... А без остального обойдусь как-нибудь.

За разговорами и пришла пора ехать на вокзал. Такси вызвали и чемоданы заранее вниз спустили.

И вот она — её величество Дорога...

Уникальность её в том, что ты вроде бы здесь, в каком-то конкретном месте, но тебя нигде нет. Ты едешь, передвигаешься, опережаешь время и даже само течение жизни. И все это происходит как-то ненавязчиво — под запах вокзальных беляшей, крики торговцев сушёной рыбой и пивом на перроне, под перестук колёс вагона, который в полудреме кажется тиканьем часов, отсчитывающих секунды, оставшиеся до прибытия...

На Хостинском вокзале, несмотря на раннее утро, как и было обещано, их встретили. Хозяином гостиницы оказался мужчина лет шестидесяти — загорелый, высокий и вежливый. Встретил как родных, которых давно не видел.

— Игорек, ты? — крикнул с перрона, когда открылась вагонная дверь.

— Я...

— Давай сумки скорее, чемоданы, а то стоянка всего пять минут!

Снизу принял вещи и дамам спуститься помог. Игорю руку крепко пожал, приобнял даже.

— Как доехали? — спросил участливо.

— Да нормально вроде бы все, — вместо Игорька ответила мама. — Я вот книжку всю дорогу читала. И пейзажами любовалась. Все хорошо теперь...

Поселил их Андрей — так хозяин гостиницы представился — очень даже удобно. Это оказались два номера на втором этаже с общей верандой. То есть вечером, если не сильно холодно будет, можно всем вместе чаю попить, глядя на море. Но больше всего Игорьку кресло-качалка понравилось — он о таком и дома мечтал: почему-то казалось, что оно является обязательным атрибутом любого, даже начинающего писателя. Наравне с трубкой и шляпой. Кстати, ни того ни другого у него тоже нет. Поэтому в кресло Игорек первым плюхнулся и раскачиваться начал.

— Ну что ты как маленький! — Юлька его в плечо легко толкнула. — Маме дай посидеть, отдохнуть с дороги. А мы пока вещи разберём...

— Точно, посижу немного... — мама опустилась в кресло и воздух понюхала. — Да, все так, как тогда было. Ничего не изменилось...

— Как когда? — почувствовал ту самую тайну Игорек.

— Все потом расскажу. И правда, сейчас отдохнуть хочется...

К обеду, уже позавтракав и отмывшись с дороги, на пляж пошли. Все вместе. День выдался фантастический! Было тепло и солнечно. Море встретило приветливым криком чайки, которая деловито вышагивала по мелкой гальке, осматривая свои владения. Кроме Игорька с мамой и Юлькой, на пляже было ещё несколько человек — две пары. Одна из них, помоложе, бросала плоские камешки в воду, вслух считая, сколько раз отскочат они от морской поверхности.

Мама Игоря подобрала плоский снаряд и девушке протянула:

— Попробуй вот этим, — говорит. — Наверняка к самому горизонту упрыгает...

Девушка камень взяла, изготовилась и очень ловко, плашмя, запулила его в море.

— Раз, два, три, четыре! — весело отсчитывал её спутник. — Смотри-ка, дальше прыгает! Семь! Восемь!!

Камешек пропал, спрятавшись за невысокой волной.

Девушка радостно закричала:

— Я победила! — обняла парня. И оба, смеясь, закружились. — Спасибо вам! — это уже маме Игорька сказала: — Вы прямо как волшебница!

Мама в ответ улыбнулась:

— Да, волшебники здесь иногда прогуливаются... И чудеса, конечно же, случаются...

Оставшиеся полдня они просто гуляли по городу: вдоль речной набережной, по Платановой и в парке. Примерно часам к шести дошли до одного заброшенного санатория, который в своей монументальной красоте был похож на средневековый замок: с широкой мраморной лестницей, ведущей с улицы вверх, ко входу с высокими резными дверями; с колоннами и огромными темными окнами, грустно глядящими из-под нависших пихтовых бровей.

— Вот здесь я в тот раз остановилась... — мама Игоря встала у кованого забора и задумчиво посмотрела на пустующее здание. — Здесь все и началось...

— Мама, давай рассказывай, сил больше нет — жуть как интересно!

И Юлька, молчаливо поддерживая Игоря, к его плечу прижалась и глаза как у того кота из мультфильма сделала — мол, очень вас просим.

— Ладно, — вздохнула мама, — расскажу. Ведь эта тайна и тебя, сынок, касается. Сейчас ты уже взрослый, в сказки не веришь. Поэтому сам решишь, как с этой историей быть. Только давайте вечером всё, устала очень...

Пока пришли, пока Юлька ужин стоговила, пока поели — все молча, в ожидании и предвкушении тайны. Игорькова мама, на него украдкой поглядывая, улыбалась — будто сравнивала.

Наконец тарелки со стола на веранде убрали, Юлька чай принесла, расселись поудобнее: мама, тёплым пледом накрытая, — в кресле-качалке, Игорек с Юлькой — на диванчике, прижавшись друг к другу.

Мама помолчала немного, глядя вдаль на темнеющее море, и начала:

— В советское время профсоюзы в санатории граждан отдыхать отправляли независимо от времени года, но летом в основном только начальство ездило. Обычные люди не возмущались, ведь путевка вообще за счастье была. Игорек, ты этого не знаешь, но тебя на свете могло не быть вовсе...

— Как так? — удивился Игорь, и Юлька к нему ещё ближе придвинулась, прижалась.

— Бывает, к сожалению, что кто-то детей иметь не может. И у меня так сложилось, что здоровье «нет» сказали. Врачи мне ультиматум поставили: или дитя, или я. При родах я умереть должна была... Так-то вот... С отцом твоим мы уже десять лет женаты были. Любил он меня. Поэтому, зная диагноз, и детей заводить не разрешал. Говорил, если ты умрёшь, то и я следом. Получится, что сын — а он уверен был, что именно сынок будет, а не дочка — сиротой останется. Не знаю, как вышло, но накануне своего тридцатипятилетия узнала я, что беременна. Тобой, Игорек, беременна. Вот тогда я и решила: хватит мне, пожила, очередь жить для сына подошла...

И совпало так, что мне в тот санаторий, который мы с вами сегодня видели, путёвка выпала. И как раз ровно на мой день рождения — все как сейчас. Конечно, поехала — думала, что прощаться с морем еду, чувства двойские были: и грусть, что умру, наверное, скоро, и радость, что ты на свете вместо меня жить будешь...

В санатории врачи того же мнения были — мол, категорически рожать нельзя, самоубийство это. Да я и не слушала их! Уйду на море, оденусь потеплее — целыми днями там так и сидела, булку хлеба с чайками разделяя. Все в море до самого заката смотрела. Нет, сомнение только одно было — простишь ли ты меня потом, когда вырастешь. А себя я не жалела, даже наоборот — какая-то радость была, ощущение приближающегося счастья.

И вот в один из дней такое яркое солнышко выглянуло, что вдруг на небе радуга появилась! Представляете, какое чудо — радуга в январе! Пока я на неё тарашилась, рот открыв от удивления, какой-то парень ко мне на камень присел.

— Что, — спрашивает, — красиво?

— Да, — отвечаю, — очень!

А он мне в ответ:

— Жаль только, что не все эту красоту видеть могут — не всем дано.

— Как же так? — говорю. — Вон же она! Любкой посмотреть может!

— Любкой, да не тот, кто в землю вместо неба смотрит. Чудеса ведь только наверху происходят.

— Чудеса? Нет их, — сказала я и пошла вдоль моря, о своём вспомнив. Но парень догнал. Когда он встал, то из-за своего высокого роста и худобы очень неуклюжим показался. Но его глаза были невероятной глубины и цвета августовского неба.

— А вы поверьте, — уже на ходу говорит, — в жизни ведь многое так: от нашей надежды и веры зависит. Тем более я вам радугу показал, значит, теперь точно все хорошо будет...

— При чем здесь радуга-то? — спрашиваю.

— Это мост на небо — по ней люди путешествуют. Бывает, что некоторые по ней уходят, бывает, что, наоборот, с неба спускаются...

— Значит, вы с неба спустились?

— При чём здесь я? Я всего лишь радугу показываю тем, кто в этом больше других нуждается. Нет, с неба кто-то другой пришёл. И он уже с вами... Не бойтесь ничего, живите, следующая ваша радуга теперь не скоро будет...

И все, воротник куртки поднял, развернулся и ушёл. Даже «до свидания» не сказал...

Через положенное время на свет ты, Игорек, появился. Все как нельзя лучше прошло, без осложнений. Врачи потом долго ещё спорили, мол, не должно было так быть, но тем не менее успех на свой счёт записали. Но я почему-то уверена, что ни при чем здесь они — это тот волшебник с радугой... Не знаю, кто это был, может, вообще самый обычный человек! Но ведь все, как он сказал, случилось. Правда, с тех пор я радуги не видела больше. И сюда в этот раз приехать захотела только из-за неё, может, в этот раз повезёт...

— Мама, неужели ты ради меня могла бы?..

Игорек встал, подошёл к матери и, опустившись рядом с ней на пол, голову ей на колени положил. Юлька рядом пристроилась, Игорька обняла — сама плачет, слёзы ручьями.

И тут на маму глаза подняла:

– Спасибо за сына вам...

Игорева мама улыбнулась:

– Счастье, что вы есть друг у друга. И оба есть у меня...

Потом ещё немного посидели – все вместе, обнявшись. Мама сказала, что на веранде пока побудет, о прошлом повспоминает, а Игорь с Юлькой спать пошли.

Утро разбудило ярким солнышком, которое заглянуло в спальню сквозь лёгкие занавески на окнах. Игорь глаза открыл с ощущением тревоги и беспокойства.

Юльки рядом не было.

Встал с кровати, спортивную кофту надел и тут через дверь на веранду увидел их – маму и жену. Они будто и не расставались с вечера: мама все так же сидела в кресле, укрытая пледом, Юлька – рядом на деревянном полу, прислонив голову к маминым ногам.

– Эй, вы чего это спозаранку? – спросил Игорек, выйдя на веранду.

– Тише, – Юлька посмотрела наполненными слезами глазами на мужа. – Смотри...

И снова повернулась к морю...

А там!.. От самого горизонта небесного отражения, прочерченного взошедшим солнцем, тонкой гранью между настоящим и чем-то неведомым блистала многоцветная радуга. Другой её конец был прямо перед ними – на веранде заканчивался. Казалось, воздух вокруг был пропитан удивительными запахами – и клубникой, и мандаринами, и даже розой.

– Тише... – повторила Юлька. – Тише, мой любимый...

Игорева мама со спокойной улыбкой на разгладившемся счастливом лице с закрытыми глазами тоже смотрела на радугу...

АЙ-ПЕТРИ

Вы когда-нибудь летали? Если ответите «да» – на самолёте или пусть даже во сне, то всё вами перечисленное является не настоящим. Образным. Что такое настоящий полёт, можно понять, только стоя на зубце Ай-Петри...

Я не любитель экстрима, не буду просто так празднично рисковать жизнью. Но искренне считаю, что каждому человеку для понимания сути природы и себя самого следует побывать на макушке Крыма.

Забегая вперёд, скажу: стоя перед необъятным простором у хлипкой изгороди, отделяющей меня от почти двухкилометровой пропасти, чувствуя, как что-то во мне сжалось и подтянулось к желудку, я, раскинув руки, пошатнувшись от порыва ветра, понял, что все мои якобы проблемы на самом деле мелочь, песчинка в Сахаре. Понял, что жить нужно полной грудью. Без оглядки на вчера и только сегодня, ведь второго дубля не будет...

А теперь сама история.

О счастье и его понятии можно говорить бесконечно. И ни до чего в итоге не договориться – счастье для каждого разное. В очередной раз я убедился в этом совсем недавно, когда ехал поездом в Крым. В предвкушении отпуска и настроение было на верхней отметке. Жизнь – песня! И даже мелкие неудобства в виде набитого людьми вагона и ночной духоты роли не играли. Все это – ерунда. А если ещё и попутчики в купе ничего, то есть нормальные, не наглые и не навязчивые, то дорога, можно сказать, удалась.

Одним из моих соседей был удмурт лет, может, пятидесяти, а то и старше. Извините, но его имени я не знаю. Нет, мужик неплохой, разговорчивый. Про таких говорят – «живой». То есть любую тему поддержит и вроде бы не врёт при этом. Заметно, что человек он, как говорится, «от земли»: на мелькающие за окном вспаханные поля смотрел ласково, с любовью. В общем, просто удмурт из Ижевска.

Как правило, в поезде мало о себе кто рассказывает. Да и зачем? Ведь сутки-двое — и разошлись как в море корабли. В душу пускать совсем постороннего человека вряд ли кому захочется. Но удмурт о себе рассказал. Немного совсем. Но мне этого впечатления теперь на всю оставшуюся жизнь хватит.

Так вот, как оказалось, ехал он в Симферополь на встречу с совсем незнакомым человеком... Ну, или почти незнакомым. С человеком, которого знал почти тридцать лет назад. Вернее, видел один-единственный раз.

Во время войны в Молдове удмурт служил в составе миротворческого батальона в Бендерах. Там все и произошло...

Наверное, прежде чем приступить к сути, мне надо его описать. Удмурт далеко не богатырского сложения — ростом, что называется, метр с кепкой, но ноги у него похожи на корни могучего дуба — на земле крепко стоит, не шатаясь. И в руках сила чувствуется: на верхнюю полку купе в один приём запрыгивал: раз — и там уже, поглядывает, улыбаясь с прищуром, мол, вон как ещё могу. Лицо, несмотря на восточную изюминку, открытое, без выкрутасов. От такого кошелек в трусы прятать не станешь, в общем. Но в глазах грусть есть и та самая взаимная вера людям. Когда я удмурту этому сказал, что работаю журналистом и рассказы иногда пишу, он у меня совета попросил. С его «как быть?» и началась история.

— ...В 92-м я в Молдове был, — начал удмурт, глядя в мелькающую за окном даль. — Воевал. Хотя, как потом оказалось, миротворцы участниками боевых действий по закону не признаются. Как так бывает, объяснить можешь?

— Нет, — говорю, — не могу. Не знаю...

— Может, и правы они, конечно, — продолжил удмурт. — Какая там война! Так, несколько тысяч судеб наперекосяк. Или больше... Кто считал-то?.. Так вот была там у меня молдаванка. Вика. Красавица. Ах, какая чернобровая! Волосы как крыло ворона — смоль. А глаза! Виноградины чернющие. И сама сладкая, спелая. Как косу распустит,

взмахнет волосами, глазищами поведёт — петь хочется. Думал, век не забыть — краше ее нет никого. Ошибался... Оказалось, что в памяти о той моей Молдове другая девушка навсегда останется. Наташей её звали. Беда с ней случилась.

Я в тот день у Вики в увольнении гостевал — поужинали только, за чай сели. И тут слышу стрельбу, крики-визги недалеко от её дома. Во двор выбежал — вижу, в местной школе какая-то заваруха. А там как раз в тот день выпускники встречались.

Как был в тельнике, автомат схватил и — бегом на крики. Не успел я тогда: почти сорок ребятшек порубленными в колодце были. Правда, вслед тем выродкам, кто расправу учинил, пострелял. Убил кого-то, может, — не в этом дело. Колодец был щитом из досок закрыт. И он как бы ходуном ходил. От последних вздохов детских... Я крышку сбросил и не вижу ничего — всё красное. Ослеп, думал.

Стал потихоньку вынимать их. В глаза заглядывать. Все чуда ждал, что хоть кто-то живой.

Бог меня, что ли, услышал? Девчонка всхлипнула. А у самой нога отсечена. Что тогда во мне включилось — не знаю. Как кто меня за руку взял и в ухо стал объяснять, что делать надо. Снял я быстро ремень брючный, ногу повыше раны ей перетянул, на себя вскинул и — бегом в сторону части, там медсанбат — спасение.

Бегу, а она мне, слышу, говорит: «Не трясись, солдат. И так голова же отвалится...» Спрашиваю, задыхаясь, мол, как же зовут тебя, ну чтобы просто говорить что-то, чтобы не молчала. «Наташа», — отвечает. А я — ей в ответ: «Не бойсь, Наташа, донесу, живы будем — не помрем!» И песню петь начал — «Катюшу». А у самого слёзы как из поливалки — напиться можно. Первый раз в жизни я так рыдал. Бегу, ору, захлебываясь, как на берег выходила, как песню заводила и что все у неё хорошо будет...

Донёс. Успел. Доктор тогда сказал, что не жилец она, крови много потеряла.

Нас через неделю вывели из Молдовы, о Натахе узнать негде было. Но все равно не ве-

рилось, что слова врача сбылись. Верил, что выжила... — помолчал чуть удмурт и продолжил: — А недавно, с месяц назад, письмо мне пришло с одной передачи на телевидении. Мол, женщина ищет солдата, который спас её в 92-м в Бендерах. Звали на съёмки. Не поехал. Что я, герой, что ли, какой? Но адрес и телефон ее у них взял. Представляешь, писатель, та самая Натаха меня нашла! Вот ведь чудо! В конце девяностых уехала, оказывается, в Симферополь. Сейчас вот к ней еду. Ты не думай, не за «спасибом» еду, не за благодарностями. Так, посмотреть хочу. Порадоваться, что хорошо все у неё...

Умолк удмурт и глаза от меня спрятал. А там всё те же слезы — наверное, тридцатилетней давности. Остаток дороги удмурт молчал. Переживал. Один только раз меня спросил: «Как быть-то? Говорить ей что?..» Впрочем, ответа от меня он вряд ли ждал — сам все знает.

...Вот и прибытие. Уже вещички обратно в чемоданы затолкали, сидим, на лица встречающих на перроне посматриваем. Я из вагона первый вышел. В сторону отошёл, чтобы не мешаться. И вдруг увидел её, Натаху.

Стоит, на палочку опираясь, по щекам слёзы ручьями.

Узнает или не узнает?..

Узнала. □

Игорь Владимирович ГАЛИЛЕЕВ

родился в 1972 году в Пензе.

Журналист.

Пишет рассказы.

Победитель нескольких литературных конкурсов.

Публиковался в журналах «Сура», «Нева» и др.,

в коллективных сборниках.

В журнале «Север» публикуется впервые.

